

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA, vol. XL, cz. 2: 2015, pp. 109-120. ISBN 978-83-232-2934-6. ISSN 0081-6884.
Adam Mickiewicz University Press, Poznań

КОМПЛЕКСНЫЕ ЕДИНИЦЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

COMPLEX UNITS OF THE WORD FORMATION SYSTEM AND INTERACTION BETWEEN THEM

ИРИНА ЕВСЕЕВА

ABSTRACT. Word-building types and word-building nests are hierarchy-arranged system formations. These complex units fully reflect both the activity of derivatives and the continuity of a given semantic field. A semantic field is formed by means of semantic derivational links that constitute the derivational system.

Ирина Евсеева, Лесосибирский педагогический институт – филиал ФГОУ ВПО „Сибирский федеральный университет“, Лесосибирск – Россия.

1. К концу 80-х годов XX века сложилось ощущение, что все основные вопросы современного русского словообразования уже решены. По всей видимости, именно это обстоятельство объясняет заметное падение интереса лингвистов в конце XX века к проблемам словообразования (дериватологии). В последующее десятилетие кризис структурно-семантической парадигмы в словообразовании стал осознаваться особенно отчетливо, поскольку системно-классификационный и дескриптивный подходы, доминирующие в этой области языкознания, себя исчерпали, наступило время новой оценки полученных результатов и поиска иных исследовательских путей.

Развитие функционализма, то есть функционального подхода к различным единицам и явлениям языка, когнитивная и психологическая направленность науки о языке привели к пересмотру и переоценке парадигмы лингвистических проблем. Появившиеся в конце XX и начале XXI века исследования уточняют, а то и пересматривают многие решения, казавшиеся прежде окончательными. Давно выделенные единицы словообразования и непосредственно связанные с ними явления получают новый ракурс рассмотрения.

Структурно-семантическая парадигма претерпела, однако, лишь частичное изменение. Так, весьма перспективной для функционального и концептуального анализа и полезной для развития теоретических положений словообразования и лингвистики в целом остается

классификация единиц словообразовательной системы, предложенная в работах Е.С. Кубряковой и Е.А. Земской [Кубрякова 1972; Земская 1973]. В этих работах были выделены как самостоятельные следующие единицы дериватологии: элементарные (производящая основа и формант), простые (производные слова) и комплексные (словообразовательная категория, словообразовательный тип, словообразовательное гнездо с его составляющими). Основными, центральными единицами в построенной классификации считаются производные слова, которые состоят из более простых, или, как говорят, элементарных, единиц. Из элементарных единиц по достаточно сложным правилам складываются единицы комплексные.

Выделение среди комплексных единиц нескольких отдельных разновидностей ставит вопрос о том, какая из них и на каких основаниях может быть признана основной словообразовательной единицей, и вопрос этот представляется весьма важным. Расхождения здесь во мнениях ученых особенно ощутимы. Одни из них статусом основной единицы наделяют словообразовательный тип [Араева 1994; Красильникова 1981; Сахарный 1963 и др.], другие – словообразовательное гнездо [Гинзбург 1967; Тихонов 1987 и др.], третьи – словообразовательную категорию [Манучарян 1981]. Считаем, что каждая из комплексных единиц дериватологии может рассматриваться в качестве основной в зависимости от того, какая цель и какие аналитические задачи стоят перед исследователями.

В настоящей работе внимание обращается на такие единицы, как словообразовательный тип (далее – СТ) и словообразовательное гнездо (далее – СГ), которые, несмотря на принципиальные структурные различия, обладают определенным сходством в пропозиционально-семантической организации.

Анализ и описание организации СТ и СГ производим на уровне лингвистического макроконструкта. В процессе представления интересующих нас комплексных единиц словообразовательной системы мы ставим перед собой задачу вскрыть и продемонстрировать смысловые и словообразовательные связи производных слов, включая сюда также те разнообразные диалектные дериваты, которые отражают особенности мыслительных процессов человека. Под лингвистическим макроконструктом мы понимаем совокупность всех лексем одного словообразовательного типа или одного словообразовательного гнезда, которые существуют в русском национальном языке. Тем самым мы включаем в словообразовательное гнездо и в словообразовательный тип деривационные единицы и литературного, и диалектного языков, а также все просторечные и жаргонные единицы, в совокупности отражающие особенности мыслительных процессов человека. Лингви-

стический макроконструкт представляет собой потенциальную модель, элементы которой, с той или иной степенью полноты, реально существуют в некоторой языковой подсистеме.

Может возникнуть вопрос о правомерности рассмотрения в границах комплексных единиц словообразовательной системы производных разных языковых пластов. Полагаем, такое рассмотрение языковых единиц возможно именно на уровне макроконструкта, о котором идет речь в данной работе. Если говорить о литературном языке, то это отчасти искусственная система. Вряд ли кто-то в своей речи использует слова только литературного языка. В обыденной, повседневной устной речи встречаются просторечные, разговорные и диалектные слова, а также другие нелитературные элементы. Не случайно любой из неспециализированных больших современных толковых словарей включает наряду со словами литературного языка слова из самых разных сфер, снабжая их соответствующими пометами (обл., простор., жарг., разг., спец. и др.).

Единицы нашего исследования – иерархически устроенные системные образования словообразовательный тип и словообразовательное гнездо – с максимальной полнотой, на наш взгляд, отражают не только словообразовательную активность лексем или отдельных лексико-семантических вариантов в составе лексем, формальную и семантическую выводимость вторичных образований, но также непрерывность семантического пространства, организованного системными семантическими и словообразовательными связями между значениями производных единиц или между значениями базовой единицы и производных. Эта системность основывается на тех пропозициональных структурах, формально-семантических схемах, с опорой на которые строятся производные слова.

2. Задача данного параграфа – показать особенность семантической организации словообразовательного типа в русском национальном языке.

В вузовских учебниках и учебных пособиях по русскому словообразованию СТ рассматривается в качестве основной единицы классификации словообразовательной системы. В грамматических описаниях СТ определяется более или менее единообразно, а именно как формально-семантическая схема построения слов, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся общностью: а) формального показателя, отличающего мотивированные слова от их мотивирующих; б) части речи мотивирующих слов; в) семантического отношения мотивированного слова к мотивирующему (словообразовательное значение) (см., например, *Грамматика* 1970: 135). Тем не менее в разные временные периоды лингвистов не устраивало такое традиционное пони-

мание рассматриваемой словообразовательной единицы: каждый из трех выделенных видов общностей, на которых строится определение СТ, вызывал у разных ученых сомнения как основание для определения СТ. В книге Л.А. Араевой [Араева 1994: 24–32] содержится аналитический обзор работ в области исследования словообразовательной семантики. Из проведенного автором анализа видно, что отечественные дериватологи были и продолжают оставаться серьезно озабоченными выявлением уровней обобщения словообразовательного значения (далее – СЗ), релевантных для определения системных связей в словообразовании. Л.А. Араева указывает достоинства и недостатки ряда существующих классификаций СЗ. Наиболее последовательными, по ее мнению, являются классификации, предложенные Е.С. Кубряковой и М.Н. Янценецкой. Основываясь на том, что сделано в исследованиях словообразовательной семантики, Л.А. Араева предлагает систематизировать виды СЗ следующим образом: инвариантное значение (например, „субстанция, имеющая отношение к тому, что названо мотивирующим словом [качеству, действию, другой субстанции]”), грамматико-словообразовательное значение (например, „предмет [одушевленный, неодушевленный], имеющий отношение к предмету, опредмеченному действию, признаку”), частное словообразовательное значение (например, „предмет [одушевленный, неодушевленный], названный по функционально значимому предмету, опредмеченному действию”), словообразовательно-субкатегориальное значение (например, „лицо, названное по функционально значимому предмету, опредмеченному действию”), словообразовательно-пропозициональное значение (например, „лицо-субъект, названное по функционально значимому объекту”), лексико-словообразовательное значение (например, „женщина, ухаживающая за домашними животными”) и индивидуальное лексико-словообразовательное значение (например, „женщина, ухаживающая за домашней птицей” – *птичница*) [там же: 33–54].

Базовым уровнем в пределах словообразовательных типов признается лексико-словообразовательное значение, то есть та типизированная семантическая сфера, которая при имеющейся степени абстрактности оказывается связанной в языковом сознании с лексическими единицами, составляющими данный семантический уровень. Выделение нескольких уровней организации словообразовательной семантики позволяет говорить о СЗ как о сложной, иерархически организованной семантической единице, где каждый предыдущий уровень словообразовательного значения входит в последующий в качестве отдельного компонента. СЗ „работает” в пределах СТ, а это означает, что при выделении разных видов словообразовательной семантики необходимо учитывать функциональную семантику и мотивирующей единицы, и форманта.

Выделенные виды СЗ полностью реализованы в ядерных и частично в периферийных словообразовательных типах. Неравномерность распределения разных видов СЗ по словообразовательным типам дает основание говорить при определении СТ не о тождестве словообразовательных значений, а об особой, специфичной для каждого СТ реализации разных видов словообразовательной семантики, то есть того семантического рисунка, который отличает один СТ от другого [Араева 1998: 206].

Так, общекатегориальное значение предметности, вовлеченное в иерархически устроенную семантическую систему СТ „основа существительного + формант *-ниц(а)*“, позволяет выделить среди дериватов этого типа такие субкатегории, как „лицо“, „артефакт“ (то, что создано человеком), „натурфакт“ (то, что создано природой). Формирование данных классов основывается на мотивирующих (большей частью производных) словах, объединенных в тематические группы „лицо“, „артефакт“, „натурфакт“, „параметрические данные“ и „темпоральные данные“. В СТ „основа существительного + формант *-ник*“ в категории „натурфакты“ тематическая группа „ягода“ представлена значительным числом мотивирующих единиц (*ягода, клюква, черемуха, брусника, смородина, калина* и др.), а в СТ „основа существительного + формант *-ниц(а)*“, близком в смысловом отношении к предыдущему, – только одним производящим словом *ягода* (ср. дериваты, относящиеся к первому СТ, – *ягодник, клюквенник, черёмушник, калинник* и под. и дериват, относящийся ко второму СТ, – *ягодница*). Здесь и далее в производных словах словесное ударение обозначаем подчеркиванием гласной буквы, как это принято в современной польско-русской лексикографии. Введение данного обозначения обусловлено следующим: в работе анализируются как литературные, так и диалектные производные слова, а в диалектных словах ударение часто подвижно). Тематическая группа „грибы“ в СТ „основа существительного + формант *-ниц(а)*“ является уже прототипической для языкового сознания говорящих (ср. производящие единицы *грузди, опята, волнушки* и др.), а в СТ „основа существительного + формант *-ник*“ та же группа оказывается на периферии.

Отдельную тематическую группу образуют классы, которые включают все ситуации, каким-либо образом связанные с данным классом. Так, в СТ „основа существительного + формант *-ниц(а)*“ тематическую группу „натурфакт“ организуют классы („растения“, „животные“, „природные отходы“, „природные объекты“, „части света“ и др.), среди которых наибольшей продуктивностью отличаются „растения“ и „животные“.

Важно подчеркнуть следующее: в каждом тематическом классе дериваты связываются друг с другом цепочкой прямых или опосредо-

ванных причинно-следственных связей. Продемонстрируем это на примере тематической группы „домашние животные” (в рамках данной статьи в эту группу включаем домашнюю птицу), входящей в более крупное объединение – тематический класс „животные”.

Домашние животные прагматически значимы для человека и как источник получения пищи, и как средство для охраны дома или средство охоты (собака) и др. Покажем, на какие пропозиционально-смысловые структуры опираются дериваты указанного СТ, образованные от названий домашних животных. В выявленных нами дериватах животные выступают в функции объекта. В тексте статьи пропозициональное значение производных слов, представленных курсивом, будем выделять подчеркиванием. Цифровой индекс свидетельствует о многозначности слова. В скобках возле дериватов указывается их принадлежность к конкретному пласту русского языка – литературному (лит.) или диалектному (диал.).

Чтобы использовать животное, его необходимо вырастить. Поэтому и появилось в языке наименование лица, ухаживающего за животным – скотница₁ (лит.), быница (диал.), быница (диал.), овчарница₁ (диал.), овечница₁ (диал.), коровница₁ (диал.), коровница (диал.), теляница₁ (лит., диал.), коница (диал.), чужница (диал.), свиньяница (диал.), свинаяница (диал.), кроляница (диал.), зверьяница (диал.), собачница₁ (лит.), птичница₁ (лит., диал.), гусьяница₁ (лит., диал.), утьяница₁ (лит., диал.), куряница₁ (лит., диал.), цыпляница₁ (лит., диал.), силюшечница (диал.), индюшница (лит., диал.). В процессе выращивания животного его содержат в специальном помещении – гусевница (диал.), голубница₁ ‘голубятня’ (диал.), голубница₂ ‘чердак на крыше строения’ (диал.), скотница₂ (лит., диал.), коровница₂ ‘изба, отапливаемая по-черному, в которой в период холодов содержат животных’ (диал.), коровница₃ ‘загон’ (диал.), овчарница₂ (диал.), баранница (диал.). Для выращивания животного используют специальные приспособления – средства, например корзины, в которых гусыня высиживает гусят, – гусинница (диал.), гусьяница₂ (диал.). Есть также корзины для переноски животных, главным образом птиц: утьяница₂ (диал.), гусьяница₃ (диал.). Выращенное животное могут продать, отсюда наименование лица по продаже – теляница₂ (диал.), его может съесть, например, щука – утьяница₃ (диал.), его может украсть лиса – куряница₂ (диал.), цыпляница₂ (диал.). Животное может доставлять эстетическое наслаждение, в связи с этим выделяется группа дериватов, называющих лицо, любящее какое-либо животное – собачница₂ (лит., диал.), кошатница₁ (лит., диал.), лошадница (диал.). У животных есть свои покровители – овечница₂ ‘Анастасия Овечница – заступница овец. Ее именем сейчас называют начало стрижки овец, а в южных районах России – последнюю стрижку’ (диал.).

Большинство животных выращивают для получения продуктов питания – мяса, молока, шерсти, пера и др. Мясо курицы является иногда незаменимым компонентом при проведении обряда: есть наименование лица, угощающего молодоженов мясом птицы – курятница₃ (диал.). Для приготовления мяса птицы часто используют специальное средство, жаровни – гусятница₄ (лит., диал.), утятница₄ (лит., диал.), курятница₄ (диал.). Есть лица, скупающие или ловящие животных с определенной целью – кошатница₂ (диал.), собачница₃ (диал.). По названию животного иногда именуют часть этого животного, например, щетину чушки – свиньи так и называют чушница₁ (диал.). Называют и грибы по имени того животного, которое ими питается – чушница₂ (диал.), коровница₄ (диал.).

Выделена также группа производных слов, образованных на основе процесса метафоризации. Такие дериваты именуют какой-либо объект по названию животного – кобыльница₁ ‘козлы для колки дров’ (диал.), кобыльница₂ ‘опора мостков, переходов через ручьи, речки’ (диал.), коровница₅ ‘жаба, напоминающая кожу коровы’ (диал.).

Ядро тематической группы „домашние животные” в СТ „основа существительного + формант -ниц(а)” составляют дериваты, называющие „субъекта, ухаживающего за объектом” и „место, в котором содержат (выращивают) животное”. Это обусловлено взаимодействием семантики форманта и формантных вариантов с семантикой мотивирующих единиц. Мотивирующие единицы, в свою очередь, стремятся к реализации заложенных в них семантических потенций, что способствует порождению периферийных лексем или, иначе, периферийных лексико-семантических вариантов. Эта антиномия вызывает определенную подвижность семантической организации и отдельного тематического подкласса в пределах данного СТ, и самого СТ в целом.

Причинно-следственная связь между ядерными и периферийными лексико-семантическими вариантами производных слов данного СТ наглядно демонстрирует, каким образом в конкретном тематическом классе отражается характер семантико-деривационных связей. Эти связи, сцепляющие дериваты каждого тематического класса в отдельности, связывают лексемы между собой. Так, в тематическом классе „растения” рассматриваемого СТ „основа существительного + формант -ниц(а)” выделяются лексемы, обозначающие средство для приготовления пищи из растения: капустница ‘кадка для засолки капусты’, картофница, грибница ‘сковорода’; пищу, приготовленную из растения: крупеница, крапивница, грибница ‘суп’ и др.; лицо, продающее растение: цветочница, капустница, ягодница, лучница и т. д. Эти значения и связи между ними объединяют друг с другом не только разные тематические подклассы в пределах одного СТ, но и разные СТ друг с другом.

3. Сходная семантическая организация характерна и для дериватов словообразовательного гнезда, которое образовано совокупностью производных слов, относящихся к разным, хотя и связанным между собой, СТ. Эта связь может устанавливаться благодаря наличию у каждого из типов, составляющих данное гнездо, одной и той же мотивирующей единицы. Покажем это на примере дериватов СТ с вершиной „гриб”. Данное гнездо выбрано не случайно: мы хотим показать общность пропозиционально-смысловых структур, с опорой на которые объединяются дериваты не только в пределах разных комплексных единиц – типов и гнезд, но и в пределах разных тематических классов – „животные” и „растения” („грибы” – отдельный подкласс класса „растения”).

Грибы, которые являются низшими растениями, не образующими цветков и семян и размножающимися спорами, растут активнее после ‘мелкого теплого дождя’ – *грибник₁* (диал.), *грибовник₁* (диал.), *грибовик₁* (диал.), *грибовик₁* (диал.). Имея специфичную ‘корневую систему’ – *грибница₁* (лит.), грибы растут в ‘определенных местах’ – *грибник₂* (диал.), *грибница₂* (диал.). ‘Ученые, изучающие грибы’ – *грибовец* (лит.), занимаются ‘наукой о грибах’, исследуя виды грибов и их особенности – *грибоведение* (лит.). Постепенное уменьшение количества грибов в связи с массовой вырубкой леса, а также обычная удаленность городов от лесных массивов способствовали тому, что появилась необходимость в создании ‘специальных теплиц для разведения грибов’ – *грибница₃* (лит.). Грибы прагматически значимы для человека, в первую очередь как продукт питания. Но чтобы получить грибы в пищу, их нужно сначала собрать. ‘Сборщики грибов’ тоже получили свое наименование – *грибник₃* (лит.), *грибница₄* (лит.), *грибник₁* (диал.), *грибовник₂* (диал.). Среди сборщиков грибов выделяются еще и ‘любители собирать грибы’ – *грибник₄* (лит.), *грибник₂* (диал.), *грибовик₂* (диал.), *грибница₄* (лит.), *грибовница₁* (диал.), *грибовица* (диал.), а также ‘мастера находить и собирать грибы’ – *грибовница₁* (диал.) и *грибовница₂* (диал.). Собираются грибы в ‘определенную емкость’ – *грибовница₂* ‘корзина’ (диал.), *грибовня* (диал.), *грибовенка* ‘лукошко’ (диал.). Одни люди собирают грибы для личного использования, а другие – с целью продажи, поэтому ‘продавцы грибов’ получили свое наименование – *грибник₅* (диал.). Если есть продавцы, то есть и ‘скупщики грибов’ – *грибовник₃* (диал.).

Из грибов готовят ‘суп, похлебку’ – *грибник₆* (диал.), *грибовник₄* (диал.), *грибница₅* (прост., диал.), *грибница* (диал.), *грибница* (диал.), *грибовница₃* (диал.), *грибовница₃* (диал.); с ними стряпают ‘пироги’ – *грибник₆* (диал.), *грибница₆* (диал.), *грибовик₃* (диал.), *грибовик₂* (диал.), *грибовник₅* (диал.); бывают ‘грибы отварные с маслом’ – *грибник₇* (диал.),

*грибница*₇ (диал.), *грибовница*₄ (диал.), ‘грибы тушеные’ – *грибница*₈ (диал.), ‘грибы, жаренные без сметаны’ – *грибница*₉ (диал.), *грибовница*₅ (диал.) и ‘грибы, жаренные со сметаной’ – *грибница*₁₀ (диал.), *грибовница*₆ (диал.). Для жарки грибов используют ‘специальную сковороду с высокими краями’ – *грибница*₁₁ (диал.).

В рассматриваемом нами гнезде особо выделяются дериваты *грибной* (лит.), *грибовный* (диал.), *грибовный* (диал.) ‘относящийся к грибам, им свойственный, из них приготовленный’, восходящие к лексико-семантическому варианту, который называет пищу (ср.: *Из грибов все делали: солили, мариновали, суп грибовный варили* [Словарь русских говоров южных районов Красноярского края, 1988]) или место произрастания (ср.: *Я не знаю грибные места. Грибовное место здесь недалеко* [Словарь русского языка, 1981–1984]).

Специалисты – *грибовары* (лит.), работающие на ‘пунктах по засолке и маринованию свежесобранных грибов’ – *грибоварня* (лит.), варят их в специальных ‘емкостях’ – *грибоварка* (лит.). Заготавливают грибы впрок также при помощи сушки. Этим занимается отдельный ‘работник, нанизывающий грибы на что-либо’ – *грибониз* (диал.).

Название получили ‘люди, любящие есть грибы’ – *грибовница*₇ (диал.), *грибница*₁₂ (диал.), а также животные – *грибница*₁₃ ‘корова’ (диал.) и насекомые – *грибод* ‘жук’ (диал.).

Представленные значения производных слов одного гнезда образуют семантическую сеть, „узлы” (т. е. темы производных) которой соотносятся со словом *гриб*. Они связываются с вершиной данного гнезда не только по принципу радиальной метонимии, когда все дериваты восходят к одному мотиватору, но сами эти „узлы” тоже в указанной логической последовательности обуславливают появление друг друга. Иными словами, иерархия и связи узлов определяются в данном случае принципом цепочечной метонимии, когда значение одного производного слова семантически связано со значением другого, которое провоцирует появление следующего.

Помимо указанных значений, в описываемом нами гнезде отмечаются значения производных слов, напрямую связанные со значением базового слова посредством метонимического и метафорического типов переноса.

К метонимическим образованиям относятся лексико-семантические варианты деривата *грибок*₁ (лит.) ‘растительный микроорганизм – возбудитель брожения, а также заболеваний кожи и других наружных покровов’, к которому восходит прилагательное *грибковый* (диал.) (ср.: *грибковый налет, грибковое заболевание*), и глагол *грибнуть* (диал.) со значением ‘подвергаться брожению, кваситься, киснуть’.

К лексико-семантическим вариантам, характеризующимся метафорическим типом переноса, относятся такие дериваты, как *грибовик*₃

(диал.) ‘растение, сходное с грибом, – наросты на деревьях, нечто среднее между грибом и трютом, чагой’: здесь имеет место сходство и по форме, и по способу произрастания; *грибок*₂ (диал.) ‘деревянная болванка в форме гриба, используемая при штопке чулок’; *грибовница*₇ (диал.) ‘водяное растение – кувшинка, кубышка’ – сходство бутона растения по форме со шляпкой гриба; *грибняк*₁ (диал.) ‘черный, губчатый в виде гриба камень, попадающий в рыболовные снасти со дна озера’ и *грибняк*₂ (диал.) ‘торфяной грунт дна, неровный, с ямами’ – в обоих случаях здесь наблюдается сходство по форме, структуре; *грибина* (диал.) ‘участок озерного дна, где находятся размытые водой, похожие на грибы известняки’; *грибки* (диал.), *грибочки* (диал.), *грибчики* (диал.), *грибцы* (диал.) ‘мерзлые кочки на дороге, мерзлая грязь’ – сходство по форме: этимологически лексема *гриб* связана со словом *горб*, имеющим первоначальное значение ‘морщина, складка’; *грибанчик* (диал.) ‘прозвище сморщенного старика’; *грибастик* (диал.) ‘толстый человек, в складках’; *грибатка*₁ (диал.) ‘внутреннее сало убитого животного’ – данное значение семантически восходит к ‘морщина, складка’; *грибатка*₂ (диал.) ‘женский воротничок в мелких складочках, украшенный жемчугом или бисером’, *грибатка*₃ (диал.) ‘кружева, оборки, подзор, обшивка сборками’ – прослеживается сходство с пластинчатыми грибами, у которых нижняя сторона шляпки состоит из множества пластинок, складок; со вторым значением слова *грибатка*₂ связано собирательное существительное *грибье* (диал.); *грибоватик* (диал.), *грибоуха* (диал.) ‘нижняя женская рубашка с оборками на рукавах и плечах’; *грибочек*₁ (диал.) ‘фасон рукава женской одежды – рукавчик грибочком’; *грибок*₃ (диал.), *грибочек*₂ (диал.) ‘девичий свадебный головной убор’; *грибок*₄ (диал.) ‘оборки на платье’, *грибок*₅ (диал.) ‘кринка в виде гриба, шляпка которого служит крышкой’; *грибан*₁ (диал.) ‘мужчина с толстыми губами’, *грибан*₂ (диал.) ‘угрюмый, вечно недовольный мужчина’ – губы в отдельных диалектах называют *грибами*, ср. выражение *грибы отвесил*, т. е. губы. Данный дериват характеризуют также прилагательные *грибатый* (диал.) и *грибастый* (диал.). К метафорическим образованиям относятся и производные *грибаха* (диал.) ‘женщина с большими, толстыми губами’; *грибаться*₁ (диал.), *грибиться*₁ (диал.), *грибаниться*₁ (диал.) ‘хмуриться, становиться угрюмым’, *грибаться*₂ (диал.), *грибиться*₂ (диал.), *грибаниться*₂ (диал.) ‘гримасничать, корчить рожи’, *грибаться*₃ (диал.), *грибиться*₃ (диал.), *грибаниться*₃ (диал.) ‘морщить лицо, дуть губы, начинать плакать’, а также *грибатик* (диал.) ‘плакса’, ср. первоначальное значение слова *гриб* ‘нечто клейкое, слизистое’. Наконец, к метафорическим образованиям относятся прилагательное *грибовидный* (лит.) ‘имеющий форму гриба’ и существительное *грибовидность* (лит.) ‘свойство по прилагательному *грибовидный*’.

Связь разных словообразовательных типов в пределах одного гнезда объясняется общностью глубинных семантических процессов внутри каждого из СТ, взаимодействующих в конкретном СГ. Лексема, являющаяся вершиной СГ, связывается с дериватами по принципу радиальной метонимии, когда все дериваты восходят к одному мотивирующему слову. Сами лексико-семантические варианты в указанной логической последовательности обуславливают появление друг друга. Иными словами, семантические связи определяются принципом цепочечной метонимии, когда значение одного производного слова семантически связано со значением другого, которое провоцирует появление следующего и т. д. Спектр таких значений представляет логически выстроенный фрагмент языковой картины мира. Разные дериваты вербализуют разные, но взаимосвязанные признаки общего глубинного концепта.

4. Иерархически устроенные системные образования – словообразовательный тип и словообразовательное гнездо – с максимальной полнотой отражают не только словообразовательную активность вокабул или отдельных их лексико-семантических вариантов, формальную и семантическую выводимость вторичных образований, но и непрерывность семантического пространства, организованного системными семантическими и словообразовательными связями между значениями производных единиц. Представленная связь значений производных единиц, как словообразовательного гнезда, так и словообразовательного типа, соотносима с организацией лексико-семантических вариантов многозначного слова. Словообразовательная система, таким образом, являет собой не конечное множество не взаимодействующих друг с другом рядоположенных словообразовательных типов и словообразовательных гнезд, а совокупность постоянно развивающихся комплексных единиц, имеющих значительное сходство в своей семантической организации.

Список литературы

- Араева 1994 – Л.А. А р а е в а, *Словообразовательный тип как семантическая микро-система. Суффиксальные субстантивы*, Кемерово 1994.
- Араева 1998 – Л.А. А р а е в а, *Словообразовательный тип в аспекте новой научной парадигмы*, [в:] *Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии*, ред. О.И. Блинова, Томск 1998.
- Гинзбург 1967 – Е.Л. Г и н з б у р г, *Гнезда сложных слов русского языка*. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук, Москва 1967.
- Грамматика современного русского литературного языка*, Москва 1970.

- Земская 1973 – Е.А. З е м с к а я, *Современный русский язык. Словообразование*, Москва 1973.
- Кубрякова 1972 – Е.С. К у б р я к о в а, *Словообразование*, [в:] *Общее языкознание (внутренняя структура языка)*, Москва 1972.
- Манучарян 1981 – Р.С. М а н у ч а р я н, *Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках*, Ереван 1981.
- Сахарный 1963 – Л.В. С а х а р н ы й, *О словообразовательной модели и ее продуктивности*, [в:] *Лингвистический сборник*, вып. 1, Свердловск 1963.
- Словарь русских говоров южных районов Красноярского края* 1988 – *Словарь русских говоров южных районов Красноярского края*, Красноярск 1988.
- Словарь русского языка* 1981–1984 – *Словарь русского языка*, т. 1–4, Москва 1981–1984.
- Тихонов 1987 – А.Н. Т и х о н о в, *Гнездо однокоренных слов как многоуровневая единица языка*, [в:] *Актуальные проблемы русского словообразования*, т. 1, Самарканд 1987.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*, отв. ред. Н.Ю. Шведова, Москва 2007.